

A $\frac{182}{184}$

7182
1847

О П Ы Т Ы

НРАВСТВЕННОЙ СТАТИСТИКИ

РОССІИ.

К. С. ВЕСЕЛОВСКАГО.

С. П. Б.

ВЪ ТИПОГРАФІИ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

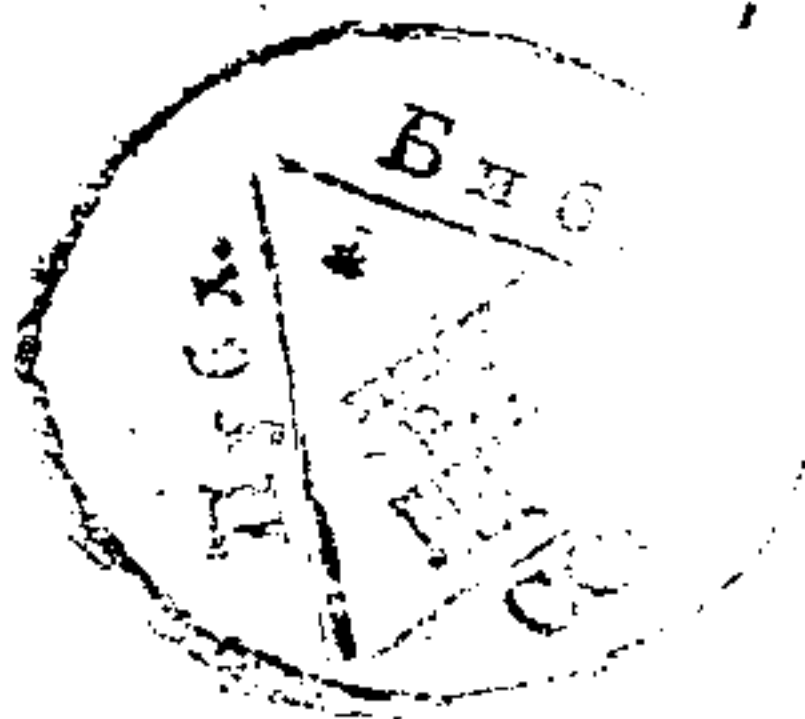
1847.

1141
9984

ЗАЛА
ШКАФЪ
ПОЛКА

№

4
37238

Взята
23-IV-38

Изъ Журнала М. В. Д. 1847. кн. 5.

А 182

ОПЫТЫ
ПРАВСТВЕННОЙ СТАТИСТИКИ
РОССІИ.

I.

РОЗЫСКАНІЯ О САМОУБІЙСТВѢ.

Изъ всѣхъ частей, входящихъ въ область Статистики, можетъ-быть, нѣтъ ниодной, которая-бы представляла столько вопросовъ высшей важности, какъ Нравственная Статистика. Она открываетъ предъ глазами наблюдателя такую глубину души человѣческой, до какой не могутъ проникать розысканія другихъ отраслей Статистики. Вамъ исчисляють источники богатствъ народа; вамъ показываютъ, какъ эти богатства производятся, распредѣляются и потребляются; вамъ рассчитываютъ, на какія группы и классы раздѣляется народъ по зажиточности или бѣдности, по образованію, по племенамъ, по гражданскому положенію: но

всѣ этѣ особенности, всѣ этѣ условія быта человека въ обществѣ, не отражаются ли онѣ въ одномъ общемъ итогѣ — въ его нравственности? Масса добрыхъ и преступныхъ дѣйствій въ томъ или другомъ краѣ, въ томъ или другомъ классѣ, не есть-ли сложный результатъ степени просвѣщенія, развитія богатства, условій общественнаго положенія, однимъ-словомъ всѣхъ тѣхъ дѣятелей, подъ вліяніемъ которыхъ происходитъ развитіе человека въ обществѣ, и изученіемъ которыхъ занимается Статистика?

Важность Нравственной Статистики признана только въ новѣйшее время. Вся Статистика есть еще наука юная; рожденіе ея, въ современномъ ея значеніи, не восходитъ далеко. Поэтому, весьма естественно, область ея разширяется въ наше время болѣе-и-болѣе. Еще недавно Статистика почти исключительно собирала факты, относящіеся къ капиталу населенія и степени населенности, къ движенію народонаселенія, къ познанію богатствъ земледѣльческихъ, мануфактурныхъ и торговыхъ, къ опредѣленію отношенія между массою грамотныхъ и массою неграмотныхъ, образованныхъ и необразованныхъ. Можетъ-быть, еще нѣтъ и двадцати лѣтъ, какъ розысканія статистическія обратились на новую сторону, которую представляетъ человекъ въ обществѣ, на сторону чисто-психическую, по-видимому неуловимую для численныхъ выкладокъ, и между-тѣмъ

изученіе которой для Статистики возможно, потому-что она вноситъ въ свои счета тѣ движенія душевныя, которыя выразились опредѣленными и подлежащими внѣшнимъ чувствамъ поступками, и, слѣдовательно, изъ области духовной перешли въ міръ физическій. Мы сказали, что это изученіе возможно; но этого мало: оно благотворно и обильно высокими поученіями; касаясь существенныхъ сторонъ человѣческой природы, оно въ-стояніи навести на весьма важные выводы, заслуживающіе равно вниманіе и философа-наблюдателя, и публициста-практика.

Розысканіе общихъ причинъ и законовъ такого явленія, которое само-по-себѣ есть результатъ весьма сложный, произведеніе чрезвычайно разнородныхъ вліяній и обстоятельствъ, составляетъ всегда одну изъ самыхъ трудныхъ задачъ. И какъ область человѣческихъ наблюденій и знаній расширяется мало-по-малу, медленно и постепенно, то многіе статистики, конечно, подпадали справедливому упреку въ поспѣшности, когда выводили слишкомъ-общіе законы изъ наблюденій слишкомъ-частныхъ и еще немногочисленныхъ. Нужно имѣть терпѣніе — собирать какъ-можно болѣе фактовъ, рассмотреть ихъ съ разныхъ сторонъ, освѣтить ихъ Критикой и Философіей — и только тогда мы вправѣ ожидать отъ Статистики правильныхъ и полезныхъ заключеній. Безъ этого раціональнаго анализа, цифры не могутъ имѣть никакого значенія, и

часто неловкое или недобросовѣстное сближеніе ихъ и толкованіе открываютъ только путь къ ошибкамъ и ложнымъ заключеніямъ. Вся трудность состоитъ въ томъ, чтобы понять и разъяснить себѣ массу фактовъ, представляемыхъ намъ въ сыромъ видѣ цифирною статистикою; поставить ихъ въ надлежащемъ свѣтѣ, подвести ихъ подъ настоящія причины, найти между ними настоящія отношенія и вывести заключенія нравственныя, находящія себѣ опору и въ другихъ наукахъ. Такова задача Статистики, и она не можетъ ея разрѣшить безъ помощи Критики и Философіи. Въ нашъ вѣкъ, когда Философію прилагаютъ ко всему, одна Нравственная Статистика еще ожидаетъ плодотворнаго наитія этого свѣтильника. Одинъ великій мыслитель нашего времени сказалъ: «нѣтъ ничего нелѣпѣе факта;» и, безъ сомнѣнія, Статистика, если она ограничится ролью собирательницы фактовъ, должна принять на свой счетъ этотъ догматическій комплиментъ. Между-тѣмъ, важность и польза ея могли-бы быть весьма обширны.

Убѣжденный въ важности предмета, я рѣшился приступить къ розысканіямъ этого-рода въ примѣненіи къ нашему Отечеству. Предомною представлялось поле обширное и еще невоздѣланное. Чѣмъ дальше подвигался я впередъ, тѣмъ болѣе представлялось мнѣ вопросовъ, сомнѣній, недоумѣній. Для разрѣшенія ихъ потребовались новыя розысканія. Все это составило работу сложную и многотрудную,

для совершенія которой нужно немало времени. Между-тѣмъ, я рѣшился, не ожидая конца всего дѣла, приступить къ изданію въ свѣтъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ главъ, которыя, случайно, были окончены раньше другихъ, и на нынѣшній разъ начинаю рядъ этихъ опытовъ — розысканіями о преступленіи, тѣсно связанномъ съ многими общественными и психологическими вопросами, именно — о «самоубійствѣ».

Изъ всѣхъ существъ, одинъ человѣкъ обладаетъ печальною способностью самовольно прекращать дни свои. Казалось-бы, что можетъ быть сильнѣе любви къ жизни, этого чуднаго инстинкта, который, и въ самыя горькія минуты скорби человѣка, еще рисуетъ предъ глазами его, хоть въ туманѣ неясной дали, заманчивыя отрадные картины? Но чѣмъ сильнѣе этотъ инстинктъ, тѣмъ поразительнѣе и загадочнѣе для насъ явленіе, представляемое человѣкомъ, который, заглушивъ въ себѣ всеильный голосъ природы, подымаетъ на себя руку. При этомъ зрѣлищѣ, приводящемъ въ содраганіе, невольно возникаютъ въ душѣ тысячи вопросовъ: какія причины привели этого несчастнаго на край пропасти? малодушіе-ли и слабость Гораціева «*animi pusillit et inopis*»; безразсудство-ли и сумасшествіе; или-же безнравственность, недостатокъ чувства добродѣтели и религіи? много-ли бываетъ такихъ несчастныхъ? къ какому принадлежали они сословію? какого возраста, пола, образа жизни, образованности? Много подоб-

ныхъ вопросовъ возбуждаетъ пытливость, въ надеждѣ доискаться причинъ зла, и такимъ образомъ изъ анатоміи умершихъ извлечь полезное поученіе для живущихъ.

Самоубійство было издавна предметомъ изученія и толковъ. Науки философскія и естественныя разсматривали его каждая съ своей точки зрѣнія. Философія изслѣдовала это явленіе по отношенію къ условіямъ бытія и небытія, къ законамъ дѣйствія воли человека и т. п.; Законовѣдѣніе опредѣляло степень вѣроятности преступленія, и т. д.; Патологія, Публичная - Гигіена и Судебная - Медицина подвергали вопросъ разсмотрѣнію со - стороны частнаго и общественнаго здоровья. Что же остается на долю Статистики? Не явилась-ли она уже слишкомъ поздно, когда всѣ удѣлы уже розданы и всѣ мѣста заняты? По нашему мнѣнію, нисколько. Напротивъ: задача Статистики въ этомъ случаѣ весьма важная и немалотрудная. Принимая плоды розысканій другихъ наукъ за исходные пункты, за готовыя данныя, Статистика разсмотритъ самоубійство въ его числительномъ появленіи, изслѣдуетъ причины его производящія, не по догадкамъ наукъ, разсуждающихъ а priori, не по началамъ аналогіи, а по итогам численнымъ, по сложности дѣйствительныхъ событій. Такимъ-образомъ, она, съ-одной-стороны служитъ повѣркою выводовъ другихъ наукъ, съ другой — доставитъ имъ факты и матеріалы для дальнѣйшихъ розысканій.

Прежде-нежели приступимъ къ статистическимъ розысканіямъ о самоубійствѣ, нелишнимъ считаемъ замѣтить, что этотъ предметъ представляетъ немало трудностей, особенно если, на основаніи этихъ розысканій, захотимъ выводить сравненія между различными государствами и народами. Можно утвердительно сказать, что вездѣ число самоубійствъ бываетъ значительнѣе того, какое оказывается на основаніи официальныхъ документовъ; и вотъ тому причины: находятъ трупъ; ни на немъ самомъ, ни въ обстоятельствахъ, открываемыхъ слѣдствіемъ, не обнаруживается никакихъ несомнѣнныхъ признаковъ, по которымъ можно было-бы утвердительно сказать: погибъ-ли человекъ отъ несчастнаго случая, отъ злодѣянія другаго человека, или наконецъ отъ своей собственной руки, особенно если трупъ найденъ уже въ то время, когда въ немъ началось гніеніе. Въ Судебной-Медицинѣ есть основанія, по которымъ можно опредѣлить родъ смерти, но во многихъ случаяхъ не иначе, какъ когда изслѣдованіе произведено немедленно; а это не всегда и возможно, при огромныхъ пространствахъ, лѣсистыхъ и болотистыхъ мѣстностяхъ и рѣдкомъ населеніи. Сверхъ-того, есть роды смерти, при которыхъ такіа изслѣдованія крайне трудны, на-примѣръ утопленники.

Число подобныхъ сомнительныхъ случаевъ вездѣ болѣе-или-менѣе значительно. Такъ, на-примѣръ, у насъ, по официальнымъ свѣдѣ-

ніямъ за 1834 годъ, показано: погибшихъ отъ разныхъ несчастныхъ случаевъ, при которыхъ родъ смерти (но всегда-ли и причина?) опредѣлительно дознанъ — 5,418; сверхъ-того, утопленниковъ (изъ которыхъ о весьма-многихъ нельзя было дознать, какъ они попали въ воду) — 3,286; затѣмъ означено прямо погибшихъ отъ неизвѣстныхъ причинъ — 2,141, найденныхъ мертвыхъ тѣлъ — 1,821, пропавшихъ безъ-вѣсти — 72. По сложности девяти лѣтъ, съ 1833 по 1841 годъ, приходится на годъ по 4,730 погибшихъ отъ разныхъ несчастныхъ случаевъ, и сверхъ-того по 4,088 утопленниковъ. Въ С.-Петербургѣ, по сложности осьми лѣтъ (1834—1841), приходится на годъ почти по 30 самоубійствъ; но, вмѣстѣ-съ-тѣмъ, въ отчетахъ С.-Петербургскаго Полціеймейстера читаемъ, что найдено мертвыхъ и всплывшихъ тѣлъ: въ 1834 году — 71, въ 1835 — 82, въ 1836 — 65, въ 1837 — 60, въ 1839 — 49, въ 1840 — 172; и изъ послѣдняго числа — 56 отправлено въ анатомическій театръ, а 116 — по гнилости труповъ, предано землѣ безъ анатомическаго вскрытія.

Трудность этого-рода въ дознаніи вѣрнаго счета самоубійствамъ замѣчена и въ другихъ странахъ. Къ этому присоединяется еще и то обстоятельство, что самовольное прекращеніе жизни вездѣ набрасываетъ на погибшаго тѣнь безславія и нѣкотораго позора въ обществѣ мнѣніи, и даже навлекаетъ со-стороны

правосудія преслѣдованіе ; а потому, весьма естественно, со-стороны родственниковъ и друзей несчастнаго являются старанія скрыть настоящій родъ смерти погибшаго. Поэтому, значительное число изъ показанныхъ въ итогѣ погибшихъ отъ несчастныхъ случаевъ и скоропостижной смерти, вѣроятно относится къ этой категоріи. Тоже должно сказать о тѣхъ случаяхъ посягательства на собственную жизнь, когда они не удались; ибо здѣсь сокрытие истины предъ взоромъ Θемиды еще легче. Въ Парижѣ, изъ посягавшихъ на свою жизнь приходится одна треть такихъ, которыхъ попытка не удалась. У насъ въ два года, съ іюля 1844 по іюль 1846 года, по донесеніямъ Губернскихъ Начальствъ о произшествіяхъ, было 3,349 самоубійствъ и 330 неудавшихся покушеній; слѣдовательно, на годъ приходится: первыхъ—1,659, вторыхъ—165. Въ Уголовныхъ Палатахъ и Совѣстныхъ Судахъ, за самоубійство, или точнѣе—за покушенія на самоубійство, судилось:

въ 1834 году	507
— 1835 —	511
— 1836 —	445
— 1837 —	429
— 1838 —	453
— 1839 —	509
— 1840 —	662
— 1841 —	544

итого 4,060

среднее въ годъ 507

За тѣже годы, по отчетамъ Министерства В. Д., показано самоубійствъ 12,022, или среднимъ-числомъ на годъ по 1,502; и въ этотъ счетъ очевидно не вошли неудавшіяся покушенія, которыя, однакоже, при розысканіяхъ о самоубійствѣ, не могутъ быть упускаемы изъ виду. Изъ сличенія числа представавшихъ предъ суды за самоубійство съ 1834 по 1841 годъ, съ числомъ покушеній, показанныхъ выше за два года (1844—1846), очевидно также, что въ вѣдомости о происшествіяхъ, представляемыя Губернскими Начальствами по два раза въ мѣсяцъ, не попадаютъ многіе случаи, которые обнаруживаются въ-послѣдствіи и не ускользаютъ отъ судебного преслѣдованія. Между-тѣмъ, на этѣхъ вѣдомостяхъ основаны всѣ наши данныя о числѣ самоубійствъ, и если въ-отношеніи-къ неудавшимся покушеніямъ у насъ есть повѣрка въ показаніяхъ судебныхъ инстанцій, то въ-отношеніи-къ совершеннымъ самоубійствамъ мы должны только по аналогіи заключить, что число ихъ значительное показаннаго въ вѣдомостяхъ.

Такъ-какъ трудности въ опредѣленіи настоящаго числа самоубійствъ существуютъ вездѣ и въ другихъ странахъ, то должно прежде-всего признать, что данныя, относящіяся къ этому предмету, должны быть принимаемы не иначе какъ за приблизительныя. Особенно затруднительнымъ становится сравненіе между собою чиселъ, относящихся къ разнымъ странамъ, и еще болѣе къ разнымъ періодамъ вре-